

Татьяна Устинова — первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна
УСТИНОВА

Селфи
с судьбой

МОСКВА

2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Под редакцией *О. Рубис*
Оформление серии *А. Старикова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Селфи с судьбой : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-092705-0

В магазинчике «Народный промысел» в селе Сокольничьем найдена задушенной богатая дама. Она частенько навещала село, щедро жертвовала на восстановление колокольни и пользовалась уважением. Преступник — шатавшийся поблизости пьянчужка — задержан по горячим следам... Профессор Илья Субботин приезжает в село, чтобы установить истину. У преподавателя физики странное хобби — он разгадывает преступления. На него вся надежда, ибо копать глубже никто не станет, дело закрыто. В Сокольничьем вокруг Ильи собирается странная компания: поэтесса с дредами; печальная красotka в мехах; развеселая парочка, занятая выкладыванием селфи в Интернет; экскурсоводша; явно что-то скрывающий чудак-ватный парень; да еще лошеного вида джентльмен.

Кто-то из них убил почтенную даму. Но кто? И зачем?..

Эта история о том, как может измениться жизнь, а счастье иногда подходит очень близко, и нужно только всмотреться попристальней, чтобы заметить его. Вокруг есть люди, с которыми можно разделить все на свете, и они придут на помощь, даже если кажется — никто уже не поможет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092705-0

Электричка загудела и надала, пассажиры качнулись вперёд, а потом назад. Пролетела, набирая скорость, осенняя бедная и голая станция под мелким дождём с тремя сошедшими дачниками в плащах и резиновых сапогах, и снова пошли за окнами поля и перелески, нищие деревеньки, и вдруг на горизонте над лесом возникла какая-то подозрительная труба, а потом переезд с бело-красным шлагбаумом, а к нему терпеливая очередь: две легковушки, «Газель» и лошадь с подводой — самая последняя.

Илья слушал басовитое гудение голоса в наушниках вначале внимательно, затем раздражаясь, а потом — то ли от покачивания поезда, то ли от того, что отвлекали мелькавшие за окнами чёрные ёлки и жёлтые берёзы — совершенно потерял мысль, выдернул из ушей пластмассовые штучки, заканчивавшиеся на тонких проводках, и стал тыкать в экран, чтобы остановить бухтение.

— ...дак вот я и говорю, — дедок напротив как будто продолжал рассказ. Илья взглянул на него с изумлением и неудовольствием и опять уставился в планшет, — что убить-то убили, а посадили-то безвинно обвиноваченного! А у нас всегда так, закон что дышло: куда поворотил, туда, стало быть, и вышло, только

все знают, что Петрович ни при чём! Вот хоть ты меня расстреляй — ни при чём Петрович!

— Какой Петрович? — машинально спросил Илья. Файл завис, и в наушниках, болтающихся на шее, всё продолжалось глухое размеренное бормотание.

Дедок удивился:

— Да как а я о чём тебе толкую?! Вон газетка-то у тебя заткнута, а там прямо русским по белому сказано, что подозреваемый задержан! А какой он, на хрен, подозреваемый, если он не виноват ни в чём!.. Петрович не виноват, говорю!..

Не справившись с дурацким планшетом, Илья выдернул из гнезда наушники, чтоб в них не гудело, и скосил глаза на газету, засунутую в щель между спинкой и сиденьем. Он купил газеты в Ярославле, когда пересаживался с московского поезда на местную электричку, быстро и равнодушно прочитал, скомкал и бросил, решив, что лучше будет слушать доклад. Никодимов докладывал на учёном совете в минувший вторник, а Илья всё пропустил.

— А раз Петрович не виноват, — продолжал дедок, — стало быть, другой виноват! Кто-то ж её прикончил, не сама она... того, удушилась! Хотя кто вас разберёт, столичных...

Тут Илья вдруг сообразил, о чём дедок говорит, и это было... странно. Так странно, что он посмотрел внимательно и сел прямо, забыв про планшет.

— А чего ты глядишь на меня? Я старый уж, прямо говорю! Нету такого закону, чтоб людей в тюрьму сажать, потому что они, может, водку пьют и за себя не отвечают! Вот ты знаешь, почему Петрович водку пьёт? Вот ты можешь мне как следует ответить?

Дедок внезапно распалился, полез под синюю ватную куртку в нагрудный карман, сопя, покопался там, нацепил очки и уставился петушиным взором. Рядом с ним на пустом сиденье была утверждена корзина, укрытая куском брезента, в ногах стояла ещё одна, побольше, широкий потёртый ремень лежал у старика на колене.

— Нет, ты мне скажи, скажи!

— Да я бы сказал, — осторожно начал Илья, — но не знаю, что у вас случилось и кто такой... Петрович? И почему он водку пьёт, не знаю.

— То-то и оно-то! И никто не знает! А я знаю, я в Сокольничьем с малолетства вот такого живу! — Старик показал рукой невысоко от пола, почти вровень с корзиной. — А меня спросили? А вон соседей? А Клавдию? Клавдия в тот день с утра в лес ладилась, к обеду должна была вернуться, стало быть, путь ей один — мимо того магазина. И её не спросили!

Илья Сергеевич Субботин, доктор физико-математических наук, профессор и столичный житель, понятия не имел, как именно надо разговаривать в дальних электричках с привязчивыми стариками. И слишком невероятным было то, что попутчик *сам заговорил* о том, что в данный момент интересовало его больше всего, — об убийстве.

Слишком невероятно и странно.

— Ну, чего глядишь-то на меня?.. Я прямо говорю, как есть. На кой ляд Петровичу её душить? Он пьяненький был, да, кто спорит, бузил маленько, покрикивал. Гошка-милиционер его на площади усмирил да домой направил. А чего Гошка-то, он малец ещё! В отделение Петровича волочь? Так Петрович сроду

в собаку камнем не кинул, не то что в человека! Подумаешь, нашли там у него чегой-то в карманах! Мало ли откуда оно у него взялось! Может, сама затетёха подарила, мы ж не в курсе!..

— Секундочку, — перебил Илья, — я сути не понял. Что случилось? Где? Кого убили?

Старик недоверчиво крикнул, сдёрнул с носа очки и ткнул ими в кипу газет:

— Эвон как! Читал, читал, а дело ни с места! Или неграмотный?..

— Грамотный, — сказал Илья нетерпеливо, — но вы мне лучше расскажите. Это интересно.

— Интересно, — передразнил старик язвительно. — Всем интересно, а Петровича, стало быть, в тюрьгу, да? Чего там рассказывать, всё уж рассказано, вон пропечатано даже! Когда это? На позатой неделе, дня за два до выходных припожаловала затетёха эта. Она по осени очень уж любит у нас в Сокольничьем бывать. Это у вас, у столичных, называется родину любить. И она туда же: красоты, говорит, тута расстилаются, глаз не оторвать! А что, у нас и вправду красотища. На Заиконоспасскую горку взберёшься, по сторонам глянешь, до самых печёнок проберёт! Вот она и приезжает..

— Секундочку, — опять перебил Илья. — Кто она?

— Лилия Петровна, кто, кто!.. Курпулентная из себя дама, видная такая, — дедок показал обеими руками, какая видная дама Лилия Петровна. — С директором, само собой, дела какие-то имела, он у нас ловкач, директор-то, пробу негде ставить.

— С каким директором?

— Да с нашим! Впрямь неграмотный, что ли, парень? Или ты не в Сокольничье едешь?

Илья кивнул — именно туда.

— Дак к нам все нынче едут!.. Летом вообще от народу не протолкнёшься, в предзимье-то и весной потише. Давно ли так стало! Совсем село наше загибалось, пьянь одна да старичье вроде меня, молодые все в Ярославль и в Москву подались, жить-то надо. Всё поветшало, в землю ушло, колокольня, почитай, завалилась! Один этот самый Дом творчества остался. А что с него возьмёшь, с Дома этого? Ремонту не было лет тридцать с гаком, двор весь бурьяном зарос, труба печная на честном слове держалась, так её ветром разнесло по кирпичику! И не ехал никто, кто ж поедет?! А при советской власти у нас и режиссёры всякие, и художники, и писатели — все живали! Пили — страсть, этого не отнять, душевно пили. Особенно эти, которые писатели. Вот, помню, приехал один, машина «Чайка» его привезла, знаменитый, стало быть, писатель! Постой, как его звали-то?..

Илья не удержался и опять перебил:

— Значит, раньше не ехали к вам, а теперь поехали, и эта Лилия Петровна тоже приезжала?

— То и дело приезжала! Я про то тебе и толкую, а ты слова сказать не даёшь!

— А про что вы мне толкуете?

— Про директора, Олег Палыча! Да кабы не Олег Палыч, пропали бы мы совсем!.. Ну, он молодой, энергичный, из новых. Лет десять назад явился и давай туда-сюда шуровать! Уж не знаю, где он денег наворовал, только наворовал, видать, знатно, потому дела у него пошли! Пошли дела-то! — Старик вытянул руку и стал перед носом у Ильи загибать пальцы. — Колокольню поправил, «творчество» отремонтировал, деревьев на-

садил, торговую площадь замостил, магазины открыл. Музей наладил, да не один! У нас их теперь, музеев этих, если посчитать, на круг больше пяти выходит. Вот давай вместе, гляди: Музей русской предприимчивости, Музей музыкальных феноменов...

— И всем руководит Олег Павлович?

— Он! Ух, оборотистый мужик! Жулик, видать, первостатейный!

— Да почему непременно жулик? — профессорским тоном спросил Илья Сергеевич Субботин. До этого профессора удавалось сдерживать, а тут он всё же подал голос. Обычный парень Илья Субботин за ним не уследил. — Откуда вы знаете? Может, этот ваш знатный директор денег не воровал, а честно заработал?

Дедок даже поперхнулся от негодования:

— Да иди ты!.. Чтоб на Руси-матушке да не воровать?! Нет, вы поглядите на него, на голубя сизокрылого! И тратите! Деньги, добытые честно!

Илья посмотрел на старика, а старик на него. Электричка покачивалась, и небо заметно темнело.

— Так что дела-то он делает, наш Олег Палыч! А Лилия Петровна к нему наезжала, особенно по предзимью, говорю же. Она тоже дама непростая, на каждом пальце по бриллианту вот эдакому, автомобиль у ней, шофёр. Денег давала, это у вас мода такая, у столичных, деньги давать на восстановление храма! После табличку прикрутят к кирпичам, мол, такой-то или такая-то помогли храм того, ремонтировать. Все довольны.

— И кого убили?

— Дак её и убили, Лилию! И, главное, говорят, Петрович убил! А он ни сном ни духом, вот те крест! Чтоб Петрович средь бела дня живого человека, да ещё

бабу, не сходя с места, удушил?! Быть не может такого! И главное, — тут старик подвинулся на сиденье и наклонился к Илье. От него странно, но приятно пахло то ли яблоками, то ли табаком. — Удушили-то её где?

— Где? — повторил Илья, контролируя профессора, чтоб опять не вылез с расспросами.

— Так у Зои в магазине! Ну, у Зои Семёновны, которая ещё экскурсоводом служит! Она магазин держит, там всякие скатерти, вышивки, кружева, бабская дребедень! Лилия-то Петровна страсть как любила прикупить чего-нибудь. Такого, говорит, полотна в Голландии не найдёшь!.. И покупает, Зойка-то и рада, кто там чего у ней берёт, слёзы одни. И в тот раз зашла. Ну, чегой-то спросила, а Зойка говорит: здесь нету, а дома есть, сейчас до дому сбегаю! И побежала, а Лилия в магазине одна осталась. Зойка возвратилась, а та на полу лежит и уж не дышит. Ну, сколь она бегала? Минут десять-пятнадцать, не боле. Тут полиция, Гошка прибежал. На покойницу вытаращился, рот открывает, чисто окунь! Ну, потом вырвало его в кустах-то, а как же, молодой пацанчик. Ну, в Ярославль стал названивать, а чего названивать, когда уж всё... Но! Не мог Петрович Лилию удушить, хоть у него, пьяного, какой-то ейный платок нашли или галстук, что ли!

— Секундочку, почему не мог-то?! — всё же встрял в разговор профессор Субботин. — Ведь если у этого алкоголика нашли какую-то вещь убитой...

— Помолчи, — властно сказал дедок. — Вот все вы такие, скороспелые! Не знаю, откуда там этот платок взялся, и знать не хочу, только Петрович сроду в Зойкин магазин не заходил и не зашёл бы никогда!

— Почему?

— А потому, Зойка — его бывшая, — как будто пропечатал старик и торжествуя откинулся назад. — Он из-за неё и запил, может!.. Когда она его на развод поставила!

— Что значит — поставила на развод?

— Ну, по суду с ним развелась, да ещё алименты с него потребовала. Он тогда сказал — не видать Зойке с меня ни копейки, с завода уволился и стал горькую пить.

— Прекрасная месть, — оценил профессор. — Элегантная.

— Да ну тебя, чего языком мелешь!.. Вот менты приехали, всех алкашей местных обошли, у Петровича из кармана финтифлюшку Лилину выудили, составили протокол, и — готово дело! Сидит Петрович в Ярославском СИЗО, как будто он и убил. Вон даже в газете пропечатано! Раскрыто по горячим следам! По каким таким следам, спрашивается...

Илья подумал немного, стянул с шеи наушники и засунул в карман.

— Так, хорошо. А водитель этой дамы где был? Вы сказали, её водитель возит.

— Да о чём и речь, парень! Не было в тот раз шóфера при ней, и где он обретался, и на чём она приехала, одному богу известно. Нет, потом-то, уж когда она... того... померла... подкатила машина, и шóфер выскочил, убивался за ней, как за матерью родной, но к магазину она пешком пришла, и Зоя божится, что не было автомобиля!

— Откуда она могла прийти? Из Москвы?

— Не иначе так! И Клавдия ничего не видала, я тебе про неё толковал, про Клавдию-то! Она утром за гриба-

ми маханула. Тоже баба несчастная, почитай, круглые сутки у плиты колготится, и бобылка, мужика-то нету. Вот у неё одно развлечение — в лес наладиться. Она, бывает, всякого впрок наготовит, бабам кухонным, подручным своим, ценные указания раздаст, и в лес, дух перевести. Ну, к обеду завсегда обратно на месте, на кухне, стало быть, а куда ж ей деваться, без неё всем делам остановка выходит. Дак она возвращаться одной дорогой могла, стало быть, мимо Зоиноного магазина. И Петровича она там не видала, ничего не видала.

— Кто такая... Клавдия?

— Как кто?! Повариха из «творчества»! Ох, знатная повариха! Так сготовит, вместе с тарелкой съешь и не заметишь! И из себя видная, нигде господь не обидел. А ты разве не в «творчество» следуешь, парень? По виду тебе туда прямая дорога.

Илья Субботин оттеснил профессора и сказал, что да, он в Дом творчества.

— А ты по какой части? Артист или, может, писатель?

— Пожалуй, писатель, — согласился Илья.

— А чего писать-то будешь? Роман? Или, там, поэму?

— Я ещё подумаю, — сказал Илья. — Пока точно не знаю. Поэму хорошо бы.

— Вот Клавдиной стряпни и отведаешь! Она там с утра до ночи пропадает, в доме этом, на кухне! Харч приготовляет. Творческие все прожорливые, страсть! Особенно когда выпьют.

— А вы с директором знакомы?

— Мы? С Олег Палычем?! Куда нам, пентюхам немывтым! Олег Палыч высоко летает, его телевизор

показывает — то здесь его за инициативу наградят, то там. Инициатива — это, стало быть, село Сокольничье и мы, его обитатели! А ты, может, и познакомишься. В «творчестве» об эту пору народу немного, десяток человек, а Олег Палыч во всё сам входит, очень о гостях печётся. Особенно после того, как Лилия Петровна так неудачно заехала!.. Клавдея рассказывала, он уж ахал и охал — распугают народ, ездить перестанут, сроду у нас тут смертоубийства не было. Ни при Советах, ни при новой власти. А без народа нам куда? Некуда. Народ есть — денежки капают, а нет, так и... щипы пустые.

Электричка взревела и стала плавно притормаживать.

— Тебе сходить, парень, — озабоченно сказал дедок, глянув в засиневшее окно. — А мне на следующей. Раз ты в «творчество», так повидаемся ещё, все на одном пятаке толчёмся, все в Сокольничьем. В Воскресенскую-то церковь сходи, красотища там неопишущая!..

— Непременно, — пробормотал вежливый профессор, — благодарю вас.

— Бывай, бывай, — развеселился старик.

Задевая объёмистым рюкзаком за спинки сидений, Илья пошёл к выходу и из-за раздвижных дверей тамбура, где крепко пахло табачным дымом, оглянулся. Его попутчик выудил из газетного кома листок и расправил, видимо, приготавливаясь читать.

На вечернюю платформу из освещённой электрички вывалился народ, довольно много, на здании вокзала надрывался громкоговоритель — «при выходе из поезда не забывайте свои вещи», — за линией тёмных

лип на площади уже зажглись фонари. Там толпились таксисты и из машин неслась музыка.

Илья поправил на плече рюкзак. Становилось холодно, воздух после тепла электрички казался колким, и хотелось сунуть руки в карманы.

Он спустился с платформы и пошёл вдоль решётки. «Пироги печёные, жаренные в масле» — сама собой прочиталась вывеска, и Илья подумал, что не отказался бы сейчас от пирога печёного, и от жаренного в масле тоже не отказался бы.

...И всё же странный старик! История, которую он рассказал, казалась почти невероятной. Собственно, не сама история, уточнил педантичный профессор, а момент, когда словно из воздуха материализовался его попутчик и начал рассказывать. Так не бывает, если исходить из некоей логики. Но старик совершенно точно был, от него приятно пахло то ли табаком, то ли яблоками, и история тоже была рассказана...

— Такси, такси до гостиницы! До Дома творчества машинка! В центр, в центр поедем? Дешевле только даром!.. Садись, парень, чего ноги топтать!..

Со всех сторон на него наседали таксисты, одного, совавшегося прямо в лицо, пришлось даже отстранить рукой.

— Вы в Дом творчества?

Илья оглянулся на запыхавшегося мужика и кивнул. Мужик на ходу достал из кармана бумажку, поднёс близко к глазам и прочитал почти по складам:

— Субботин Илья Сергеевич?

Таксисты, поняв, что состязание проиграно, приотстали.

— Он самый.